

## **КОЛОКОЛЬНАЯ МУЗЫКА в XX в.: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

За годы советской власти выросло несколько поколений наших соотечественников, не знакомых с эстетикой и семантикой колокольного звучания. А между тем, по меткому замечанию Б. Асафьева, колокол в течение нескольких предшествующих веков считался “постоянной принадлежностью быта” и воспринимался “в единстве с воздухом, по которому он расплывался” [1, с. 20]. И потому закономерен общественный и научный интерес к этому инструменту, уникальному по своему темброво-акустическому потенциалу, выразительным возможностям и исполнительскому контексту.

Колокола и колокольный звон – неотъемлемая часть европейской культуры. На протяжении тысячелетнего периода в странах Западной Европы их использовали достаточно разнообразно: в храмах, в механизме башенных часов на городских площадях, в светском инструменте карильоне. В России колокола оставались преимущественно богослужебными инструментами, редко переходя границы церковной ограды.

XX в. оказался драматичным для колоколов всего европейского континента. Отношение к нему начало меняться, что в результате привело к исключению “колокольной музыки” из интонационного фонда эпохи. Причин падения интереса к колоколам и колокольному звону было несколько. Выделим две основные – специфически художественную и широко понимаемую мировоззренческую. Первая из них заключалась в том, что музыкальная культура испытала мощное воздействие технических открытий, позволивших сохранять и тиражировать звучащую музыку. На формирование художественных вкусов и предпочтений слушателей решающее влияние начали оказывать не “живая” музыка, как прежде, а грамзапись, радио, звуковой кинематограф.

Изменилась ситуация и в сфере бытового музицирования: на улицах зазвучали массовые песни, марши духовых оркестров, начала развиваться индустрия развлекательной музыки, в Европе прочно укоренился американский джаз... Превращение колокола в музыкальный анахронизм можно трактовать как одно из проявлений окончательного обмирщения искусства.

Другая причина отказа от колокольного звона лежала в плоскости новых политических реалий. Подавляющее большинство колоколов, как “идеологически вредных”, было физически уничтожено. Колокола, как и вся культура в целом, оказались слишком хрупкими, чтобы противостоять революционному натиску: спустя десятилетие самые распространенные музыкальные инструменты превратились в музейные экспонаты.

Со всей очевидностью новые тенденции проявились в культуре СССР 1920–1930-х гг. Приведем два примера. В соответствии с пафосом революционного времени предлагалось “переозвучить” акустическое пространство: “колокольную музыку” городов заменили музыкой будущего – “гудковыми симфониями”. Новые композиции, бесспорно, могут быть интерпретированы как ранние образцы “конкретной музыки”, составленные преимущественно из звучаний, окружающих человека в повседневной жизни, – фабричных и заводских гудков, клаксонов авто, сигналов паровозов и пароходов, ружейных и пушечных залпов и т.д. Автору этого футуристического проекта А.Авраамову в 1922–1923 гг. удалось на практике воплотить эту музыкальную утопию дважды – на улицах г. Москвы и г. Баку [3]. Другой пример – образец переосмысления привычных звучаний в духе новой эстетики. В 1930-е гг. часозвон курантов Спасской башни Московского Кремля был переоборудован, и вместо хорошо знакомых мелодий Преображенского марша (утром) и “Коль славен наш Господь в Сионе” (вечером) на новых колоколах начали вызванивать революционные песни – “Интернационал” (утром) и “Вы жертвою пали” (вечером). Это редкий пример официального

использования колоколов на службе социализма и придания нового гражданского смысла их звучанию.

В 1920-е гг. в СССР была развернута кампания по борьбе с религией. На основании партийных документов колокола как предметы культа подлежали уничтожению в первую очередь. В 1924–1926 гг. были приняты к исполнению распоряжения “О порядке ликвидации предметов религиозного культа”, “О порядке ликвидации церковного имущества”, обрекающие на уничтожение художественно-исторические ценности христианских храмов.

На рубеже 1920–1930-х гг. мотивировка изменилась: под лозунгом “колокола на индустриализацию”, их передавали для утилизации в государственный трест Рудметаллторг с целью переплавки в мелкие медные монеты. Звон больших колоколов, среди которых было особенно много исторических и художественно ценных, был “запрещен совершенно” как мешающий “...труду и использованию трудящимся его отдыха” [2, с. 12]. Все колокола – в духе новой социалистической лексики их называли “отвес бронзы” – шли по цене металлолома.

Необходимость введения в научное обращение колокола – забытого почти всеми учебниками музыкального инструмента, специфической кампанологической терминологии и семантики, малоизвестной фактологии представляется актуальным. Дальнейшая реконструкция истории белорусских колоколов в контексте диалога культур Западной и Восточной Европы, без сомнения, будет способствовать не только возрождению колокольных традиций, но и более глубокому осмыслению отечественного художественного наследия.

---

1. Ковалив, В. Колокола и колокольность в творчестве русских композиторов / В.Ковалив // Звонница: альманах Школы звонарей Минской епархии. – Мн., 2002. – Вып. 5, июнь 2002 г. – С. 16–37.

2. Лихачев, М. Кто запрещал колокольный звон / М.Лихачев // Царкоўнае слова. – 1995. – № 4 (37). – С. 12.

3. *Отечественная* музыкальная литература: 1917–1985. Вып. 1: учебник для музыкальных училищ. – М.: Музыка, 1996. – 376 с.

БИБЛИОТЕКА БГУКИ